

ДЕЛА И ЛЮДИ ЗЕМЛИ УРАЛЬСКОЙ. XVII В.

ем больше читаешь документы прошлых веков, тем больше убеждаешься как мало изменились люди и проблемы, волнующие их: любовь и измены, воровство и честность, пьянство, карты и сквернословие... В XVII в. территория нынешнего Урала интенсивно заселялась русскими. Причем это была наиболее активная часть этноса, способная сорваться с насиженных мест и идти в места неизвестные. Попадались среди них истинные труженники, искавшие в восточных землях

государства воли, авантюристы и просто лихие люди, бежавшие сюда от правосудия. Моральный облик населения восточных окраин не мог не беспокоить государство и церковь. И оно стремилось создать условия для воспроизводства тех традиционных моделей организации семьи и общества, которые существовали в центральных районах. Для Урала и Западной Сибири это было особенно актуально, поскольку в условиях колонизационного процесса демографическая структура русского населения характеризовалась значительным преобладанием холостых мужчин. В условиях нехватки женщин в Сибири, крестьяне, отчаявшись обзавестись семьей, вынуждены были обратиться с челобитной к царю «приискать для них гулящих женочек, на ком жениться»¹. Намаявшись с нескончаемой «избной» работой, крестьяне поднимали вопрос о своих бедах не единожды. И воеводы, понимая серьезность проблемы, честно пытались найти в Тобольске «гулящих жонок и девок», но, видно, не сумели. Тем более, что челобитная была коллективная, и требовалось, по крайней мере, 20 женщин — число, по сибирским понятиям, просто астрономическое.

При таком катастрофическом положении дел, крещение аборигенок приобретало особую окраску. Существовал специальный указ

«сыскивать полоняников татар, и остяков, и вогулич», и если среди них оказывались «жонки и девки крещены», то их следовало «выдавать замуж за служилых людей, и за стрельцов, и за казаков, которые похотят жениться»². Естественно, нужды служилых должны были удовлетворяться в первую очередь, а крестьянам приходилось ждать.

Что касается аборигенов, то и у них были проблемы с созданием семьи. Размер калыма, который родители назначали за невесту, бывал порой столь велик, что жених был обречен выплачивать его в течение нескольких лет, работая на будущего тестя³. Поистине блестящий выход, оказавшись в подобном положении, нашел житель Верхотурского уезда, черемисин (мариец) Микишка Акелев. Проработав два условленных года у вогула Казачки Бердикова, он все еще не мог добиться руки его племянницы Конайки. Тогда Акелев подговорил Канайку бежать, на что девушка охотно согласилась. Первое, что сделали беглецы — это явились в приказную избу вместе с новокрещенным дядей Акелева и объявили о том, что они хотят креститься, «крещеную веру принять». Таким образом они отделались от преследований и претензий родственников невесты. Микишку Акелева отправили в Верхотурский Никольский монастырь, а Конайку в Покровский к игуменье Марфе с сестрами, где они должны были находиться в течение шести недель до крещения⁴.

Вероятно с той же целью — выйти замуж — была крещена и вогулка Анница в 1670 г. Событию, как и в предыдущем случае, предшествовала челобитная о крещении. К ней было приложено свидетельство все той же игуменьи Покровского женского монастыря Марфы о том, что «под началом де у нее была иноземка вагулка Анница шесть недель». Любопытно, что вместо игуменьи Марфы, хотя и по ее велению, к той «скаске» руку приложил верхотурский стрелец Григорий Кулаков. Не исключено, что именно он был инициатором скорейшего крещения Анницы⁵.

Что касается проблем в семейной жизни, то от них не были застрахованы ни русские, ни аборигены. В 1673 г. в Верхотурскую приказную избу поступила челобитная ясачного вогула Верхтуринской волости Ивана Гашкова на ясачного же вогула Чулпу (Чупку) Родкина. В челобитье Иван сообщал, что Чулпа взял замуж его сестру родную Ленку, получил приданого 40 рублей, а калым заплатил не весь (15 рублей не додал). После 16 лет совместной жизни Чулпа, по словам Ивана, свою жену «отослал от себя из юрт и не поит, и не

кормит, и не одевает, и не обувает неведомо за что». При этом он не вернул приданого (как этого требовали нормы обычного права в случае «развода») и не доплатил долга по калыму. Иван вынужден был принять свою сестру, но просил русскую администрацию разобраться, дать суд и управу. Ответчик сказал, что калым за Ленку платил его отец, «а он, Чюпка, в те поры был мал и глуп». Он так же сказал, что «он жены своей от себя не збивает, поит и кормит, и одевает, и обувает, бегают, де, она от него, Чюпки, сама самоволно, дуростью своею, не хотя у него жить». Чупкина жена Елена все это отвергла, лишний раз подтвердив на очной ставке, что муж ее не кормит, не поит, не одевает и не обувает. Ее свекровь Анюта не смогла внести ясности в это дело, ссылаясь на то, что она с ними не живет⁶. Как и всякое семейное дело, это оказалось довольно запутанным и вряд ли было разрешено. Во всяком случае его конца в фондах Верхотурской приказной избы нам обнаружить не удалось.

Там, где отношения не складывались добром, всегда оставалось место для склок и «порчи». В феврале 1682 г. в Верхотурье рассматривалась челобитная подгородного пашенного крестьянина Еремея Заплата на своего племянника — крестьянина Леонтия Заплата. Еремей сообщал о том, что жена Леонтия Агафья зашла в страдное время в его дом и «испортила» его жену — «привязала килу». Вскоре после этого Агафья сказала своему деверю: «Хотя де жена твоя беременна, а ничего де она не родит». Жена Еремея «от той болезни и скорби» пошла и рассказала обо всем своему духовному отцу — салдинскому попу Александру. Сам Еремей тоже вдруг стал «нутром своим гораздо болен и скорбен» и от этого «вконец разорился». Злосчастная Агафья вместе с мужем Леонтием были взяты на Верхотурье для допроса. Они сразу объявили, что на них «клепят напрасно», ради того, чтобы изгнать из деревни. Тогда верхотурский воевода князь Ларион Лопухин решил дать им очную ставку. Во время очной ставки Еремей сообщил, что его родной брат — тоже подгородный крестьянин Григорий Заплатин — сказал ему, что его сына Левку испортила жена Леонтия Заплата, из чего, по мнению Еремея, естественно следовало, что и его жену «оприч Агафьицы испортить не кому».

Решено было устроить досмотр пострадавшим, который показал, что Левка, сын Григория Заплата, действительно «болен гораздо при смерти», во время допроса он сказал, что «о свадьбе своей был порчен, а хто портил, того он не ведает». Отец же ему сказал,

будто он от Агафьицы «без людей похвальбу слышал, что она сына ево портила». Дополнительно опросили женщин деревни, было ли им известно о том, что Еремеева жена больна и «привязанную килу они у нее ведали ли». Про это никто не знал, но некоторые женщины сказали, что они Еремееву жену больную видали, а какая болезнь — того не ведают⁷. Чем дело окончилось, к сожалению, мы уже никогда, вероятно, не узнаем, но вот что любопытно, почти слово в слово подобные истории нам приходилось слышать в тех же деревнях Заплата и Злыгостева Верхотурского района во время этнографических экспедиций спустя 300 лет после описанных в челобитной событий⁸. Жизнь продолжается...

Однако вернемся к проблемам аборигенного населения края, вернее к тем, кто в силу тех или иных причин решался расстаться с верой предков и принять православие.

Соблазн получить подарки и жалование «на крест» (за крещение) был столь велик, что крестились иногда не по одному разу. Были, конечно, курьезные случаи. Так в 1678 г. великому государю бил челом житель Верхотурского уезда Иван Черемисин на крещение. Разрешение было получено, Иван был оглашен и прожил под началом в Никольском монастыре положенные 6 недель. И уже хотели было его крестить, но тут на Верхотурье пришел чувовской манси Филат Атыкаев и сказал, будто Иван «преж того был крещен». Иван клялся, что «преж сего крещен не бывал», что «скаска» Атыкаева ложная, однако в крещении ему было отказано. Тем не менее, Иван не успокоился и подал челобитную с просьбой оградить его от «убытков и бесчестья» и дать очную ставку с Филатом Атыкаевым. На очной ставке Атыкаев признался, что «говорил он, Филатка, про черемисина...будто тот крещен бывал, пьянским обычаем... и в том он виноват. А про него, Ивашку, и у своей братьи у вагулич про крещенье никаких речей не слыхивал и дела ему до того нет». По указу верхотурского воеводы Льва Федоровича Пушкина Ивана Черемисина велено было крестить, а вогулу Филату Атыкаеву учинить наказание — бить батоги «для того, что он поклепал напрасно»⁹.

Согласно существовавшему законодательству, у новокрещенов было три пути устройства своей дальнейшей судьбы. Один из них — служба на монастырском дворе. Новокрещены упоминаются в документах Верхотурского и Кондинского монастырей. Среди работников Софийского дома в Тобольске значился «Климка Захаров сын Кунтя»,

который говорил о себе, что «родился де он в вагуличах и... в Тобольску крещен и живет в Софийском дому добровольно»¹⁰. К сожалению, мы не располагаем материалами, позволяющими выяснить причины и обстоятельства, предшествовавшие попаданию аборигенов в число монастырских жильцов.

Что касается служения частным лицам, то свидетельством того, что такие случаи были распространены, являются челобитные на розыск бежавших новокрещенов. С неимоверной настойчивостью разыскивал в течение нескольких лет свою «кабальную жонку» — манси, по имени Чалда, тобольский сын боярский Василий Лутовкин. В челобитной он сообщал о том, что в 1639 г. от него сбежала «новокрещеная вогулка Чалда, а русское имя Иринка, Елутаева дочь». Поиски привели Василия Лутовкина на Тагил и на Нейву, где Иринка проживала «переходя... у вагулич и у русских людей»¹¹. Сын боярский просил дать ему пристава с тем, чтобы ехать в Верхотурский уезд, найти и вернуть Иринку. Просьба эта была сразу удовлетворена, а та энергия, с которой Василий Лутовкин искал свою беглянку, дает все основания предполагать, что она была возвращена в Тобольск.

Однако большинство новокрещенов все-таки становились государственными служилыми людьми и получали, наряду с русскими служилыми, денежное и хлебное жалование. Отряд служилых березовских новокрещенов, например, в 1630 г. насчитывал 30 человек, во главе с атаманом Корнилой Петровым¹².

О том, что служилых людей постоянно не хватало, особенно в первой половине века, свидетельствовали многочисленные факты привлечения на военную службу представителей коренного населения. В 1603 г. чувовские манси — братья Баймурза, Кулак и Казак Артыбашевы и тагильский манси Обайтко Комаев крестились и были зачислены в стрельцы. При этом двое из них — Павлик (Баймурза) и Афанасий (Обайтко) были тут же, возможно, за неимением других, более подходящих кандидатур, отпущены в Москву с ясачной казной¹³.

Конечно, крещение приносило не одни только радости. Человек вырывался из родной ему этнической среды, лишаясь права на возвращение. Его жена и дети были тоже обязаны креститься. Служба иногда проходила далеко от дома. Новокрещенов старались изолировать, насколько это было возможно, от привычной им среды, чтобы не было соблазна вернуться к прежним верованиям. Разлука с родными для некоторых, видимо, становилась серьезным испытанием.

Один из документов Верхотурской приказной избы — яркое тому свидетельство. В 1665 г. к царю Алексею Михайловичу обращался новокрещеный татарин Василий Алексеев: «...пожалуйте меня, сироту своего, велите, государь, с Верхотурья отпустить в Катайской острог с отцом и матерью повидатся... смилуйтесь». Просьба эта не осталась без внимания. Новокрещен был отпущен в Катайский острог в сопровождении верхотурского стрельца с тем, чтобы там дать поручную запись, после чего можно было съездить обратно на Верхотурье «по жёну»¹⁴.

Соблазненный жалованием, новокрещен не сразу усваивал нормы христианской жизни. Были случаи, когда не выдержав испытания, новообращенный бежал обратно к родным в юрты, и это воспринималось и оценивалось администрацией как измена. Уже упоминавшийся нами, тагильский манси, Афанасий Комаев, крестившийся в 1603 г. получил «на крест» 2 сукна «средних», рубашку, сапоги, был зачислен в стрельцы и отправлен в Москву с ясачной казной. В Москве ему выдали, ради его крещения, еще 3 рубля и сукно «доброе»¹⁵. Вернувшись из столицы, Афанасий почти сразу же сбежал на Тагил, к отцу Комаю в юрты. Прожив там до осени 1604 г., он женился на вогулке, «ел с вагуличи кобылятину», а крест сложил в мошну и носил на поясе. Там же, на Тагиле, его без труда поймали и посадили в тюрьму до царского указа. Указ из Москвы пришел вскоре, в 1605 г.: «новокрещена Офонку Комаева за воровство и за побег... водя около города, бити кнутом нещадно, а, бив кнутом, дати на крепкую поруку с записью в том, что ему вперед так не воровать, крестьянской православной вере не поругаться, держать православную веру по своему обещанию крепко и жити на Верхотурье по-прежнему и с Верхотурья не бегать». Безусловно, администрация не могла допустить и того, что христианин жил с язычницей, поэтому судьба жены Комаева была решена тем же царским указом, адресованном воеводам: «а на которой вагулке Офонька женился, и вы б тое вагулку велели крестить и велели его с нею венчать»¹⁶. Неизвестно, однако, дошло ли у них дело до венчания, поскольку, как только Афанасий был отпущен на поруки и сполна получил жалование, он опять сбежал. Тут в дело вмешался отец новокрещена. Поручители Афанасия, которые, кстати сказать, своим имуществом несли за него ответственность¹⁷, сообщали в своей челобитной, что «того новокрещена Афонку отец его Комай почал на лесу имать.

И он де отцу своему поиматца не дался. И отец его, Комай, убил до смерти»¹⁸.

Таким образом, возвращение для большинства новокрещенов к родным в юрты, к обычаям и верованиям своих отцов и дедов было не реально. Церковь не прощала измены, да и соплеменники настоятельно относились к тем, кто принял чужую веру. Безусловно, сам факт принятия христианства не означал коренного изменения в сознании новокрещена. Восприятие новой идеологии и норм жизни происходило очень сложно, часто уживаясь с прежними верованиями.

Не строя иллюзий по поводу приверженности христианской вере новокрещенной паствы, сибирский митрополит Павел призывал в 1681 г., чтобы они «христианскую веру хранили твердо и к церквам Божиим и на покаяние ко отцем духовным приходили, а на прежние бесовские и темнообразные прелести не обращались». Если же кого в таких «прелестях» замечали, того следовало отправить в монастырь и «держать в подначальстве и наказывать и учить со всяким тщанием, пока они истинное покаяние принесут и впредь от таких прелестей отстанут»¹⁹.

К сожалению, результатом тесных бытовых контактов русских и аборигенов Урала и Сибири было не только распространение христианства и норм христианской жизни. Настоящей трагедией для аборигенов стало проникновение в их быт спиртного, табака и азартных игр (карты и зернь), которые они довольно быстро переняли у русских. Барьером на пути внедрения «вредных привычек» в жизнь аборигенного населения мог стать запрет русским людям приезжать в юрты хантов и манси. Однако, как и всякое запрещение, это также находило своих нарушителей. А поскольку это были люди решительные, и где-то, может быть, отчаянные, то к таким «достижениям цивилизации» как вино, карты, табак и зернь коренное население Зауралья имело возможность приобщиться уже в XVII в.²⁰

Самое интересное, что многие довольно рано осознали, какой вред наносят их хозяйству подобные увлечения и, как могли, боролись с ними. Привлекает внимание челобитная приказного Ивана Хмелевского, составленная на основе «словесного извета» верхотурского ясачного вогула Бутайки Козлова на краснопольских крестьян братьев Терентия и Павла Фотиевых. В извете Бутайко сообщал: «...де они приходят ко мне в юртишко в мое с картами и с табаком, и в карты играют,

и табак тянут... и подметывают они напрасно под нас. И я им говорил по многие времена: не ходите вы в юртишко мое играть. И они выгнали меня из юртишка моего, и пошел я в юртишко свое, в коей малое скотишко живет и оттого я, Бутайко, разорился вконец, и государева ясаку мы отстали и от их изгони, зерни, карты, и табаку». Иван Хмелевский приказал братьям Фотиевым вернуться в слободу, но они отказались. На обороте челобитной было написано, что помимо манси, Павел Фотиев в Режевской деревне подговорил сына Ивана Филиппова, Игнатия, «играть в яйца и в деньги». Отец отговаривал Игнатия, но он все же побежал играть и за тот побег был пойман и побит батогами²¹. В 1693 г. лялинский ясачный манси Латышко Сандрин также словесно извещал о том, что стрелец Петр Макаров с племянником Левкой курят у себя в избе вино и спаивают вогул, «оттого де они вогулы оскудели и ясаку отстали». Оба Макаровы - и дядя, и племянник, обвинения отвергли. Опрос живущих вблизи как русских, так и вогул тоже не дал результата, но они, судя по извету, были людьми заинтересованными в продукте, производимом Макаровыми. Некоторую ясность в дело помог внести рассказ новокрещена Фильки Иванова, который как-то летом зашел «по делу» в юрт манси Лучки Родкина, где в ту пору гостил Петр Макаров. Новокрещен Иванов сообщил во время расспроса, что видел, как «...в той же юрте у него, Петрушки, вино вогуличи пили. А в продажу он их, вагулич, тем вином поил или в честь, того он, Филка, не ведает»²². Виновные были наказаны.

В Сибирь шли многочисленные указы, предписывавшие «уни-мать вогул» от игры в зернь и запрещавшие возить аборигенам в юрты табак и вино, однако остановить уже начавшийся процесс было невозможно. О широте и мощи карточного потока в Сибирь свидетельствует дело, заведенное в Верхотурской приказной избе в 1697 г., когда городничий Федор Лисицын принес воеводе Григорию Нарышкину десять дюжин карт, которые он отобрал у московского стрельца Сыся Афанасьева. Стрельца отпустили, о картах в Москву сообщили, а что с ними делать дальше не знали и решили подождать до указа. Однако указ долго не приходил, и тогда чиновники решили просто последовать обычаю — по приказу воеводы Григория Нарышкина «выимочные карты» были принародно сожжены²³.

Беспокоила правительство и склонность населения к матершинной брани. Для того, чтобы отвратить людей от этой привычки, в Сибирь посылались указы о наказании за подобный проступок. В

одном из таких указов, посланных на Верхотурье, говорилось: «...а за матерную брань всяких чинов людей, которые матерно бранитца учнут чинить наказание, бить батоги нещадно»²⁴. Нещадное битье батогами в XVII в. — наказание довольно суровое, их применяли и в таких случаях, как измена и воровство. Но, судя по всему, эти указы не дали сколь-нибудь значительного результата. С матершинной бранью боролись столь же решительно и безнадежно церковь и местная администрация, проблема, видимо, серьезно беспокоила и общественность. Только этим единодушием в отношении к матерной брани можно объяснить события 1691 г. в деревне Боровичной (по другой версии Боровые) Краснопольской слободы Верхотурского уезда. Все началось с того, что 23 мая 12-летняя дочь крестьянина Марфица Галактионова боронила на поле яровой ячмень и было ей явление Богородицы. Спустя два дня девочка рассказала о своем видении в присутствии краснопольского приказного Ивана Хмелевского, церковного старосты Логина Иванова, мирского старосты Якова Афанасьева и многих «мирских людей». Текст ее рассказа был записан краснопольским попом Дмитрием Федосеевым и послан на Верхотурье воеводам. Богородица, согласно рассказу, явилась Марфице в светловишневых ризах, на голове белый плат, поверх которого венец, под ризами «лазоревый с черна испод, что у священников, когда служат». Правую руку она держала на раме, меж пальцев был зажат белый плат, а в левой руке держала березовый посох (первоначально в документе было написано «батог», но потом зачеркнуто и исправлено на «посох» — более приличный для Богородицы, чем батог, который являлся одним из самых распространенных орудий наказаний в XVII в.). Кроме того на правой раме было нанесено изображение красного креста. Богородица сказала Марфице (далее процитируем рассказ по отписке Ивана Хмелевского): «...пойди де ты в слободу и скажи приказному человеку и отцу своему, и матери, и всем мирским людям тое Краснопольские слободы и в иные слободы посылали (б) писма, чтоб православные христиане в вере христове матерною лаею не бранились, а иду де с Абалаку два годы в Подволошную деревню вверх по Нейве реке. А как де с сего числа православные кристияне в вере христовой матерною лаею бранится не уймутца и будет де им на них с небес туча огненная и камень горящий и лед». Испугавшись, Марфица не могла смотреть на видение, как на солнце. Неожиданно, так же, как и появилось, видение исчезло²⁵. Марфица исполнила по-

веление Богородицы, рассказала все людям и предупредила о несчастьях, которые грозили им в случае несоблюдения завета. С тех пор прошло больше трехсот лет, жители Урала испытали многое, еще более страшное, чем «огненная туча, камень горящ и лед». Не оттого ли, что не послушались в свое время завета Богородицы...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Оглоблин Н.Н. Женский вопрос в Сибири в XVII в. // Исторический вестник. №7 М., 1890. С.197.
- ² РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.1. Л.53 об.
- ³ Павловский В.Г. Вогулы // Ученые записки Казанского университета. Кн. 6 – 7. Казань, 1907. С.34.
- ⁴ РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.51. Л.18 – 25.
- ⁵ Там же. Д.149. Л.371 – 372.
- ⁶ Там же. Оп.2. Д.223. Л.26 – 30.
- ⁷ Там же. Оп.1. Д.143. Л.112 – 121.
- ⁸ Полевые материалы автора, 1993. Тетрадь 3. Л. 15, 20.
- ⁹ РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.51. Л.26 – 28.
- ¹⁰ Там же. Ф.214. Оп.1. Кн.1086. Л.46.
- ¹¹ Там же. Ф.1111. Оп.1. Д.86. Л.25.
- ¹² Там же. Ф.214. Оп.1. Кн.27. Л.17об. – 19.
- ¹³ АИ. Т.2. № 43. С.56.
- ¹⁴ РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Д.101. Л.94 – 95.
- ¹⁵ АИ. Т.2. № 43. С.56.
- ¹⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т.2. № 47. С.188.
- ¹⁷ Правила верстания в службу требовали поручительства нескольких человек, которые отвечали за принятого на службу своим имуществом. См.: Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С.62.
- ¹⁸ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. М., 1982. № 112. С.174.
- ¹⁹ АИ. Т.5. №69. С.101.
- ²⁰ РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.217. Л.41.
- ²¹ Там же. Ф.1111. Оп.1. Д.87. Л.60 – 62, 64.
- ²² Там же. Л.228 – 242.
- ²³ Там же. Д.135. Ч.1. Л.154 – 157.
- ²⁴ Там же. Д.87. Л. 45.
- ²⁵ Там же. Ч.1. Л.75 – 76.

